

Статья посвящена изучению крестьянского дома Русского Севера на современном этапе его существования. Цель работы – обнаружить и проанализировать трансформацию некоторых знаковых элементов архитектурно-конструктивного и планировочного устройства, а также актуализацию новаций в народном жилище. Эмпирическую базу работы составляют материалы, полученные в ходе 11 архитектурно-этнографических экспедиций по обследованию культурных ландшафтов и памятников традиционной культуры сельских исторических поселений Архангельской и Мурманской областей.

Ключевые слова: Русский Север; культурный ландшафт; деревянное зодчество; традиционная культура; жилище. /

The article is devoted to the study of the Russian North peasant house at the present stage of its existence. The research aim is to find and analyze the transformation of some iconic elements of the architectural structure and layout as well as the actualization of innovations in folk dwelling. The research empirical basis consists of the materials obtained during 11 architectural and ethnographic expeditions to survey cultural landscapes and monuments of traditional culture in rural historical settlements of the Arkhangelsk and Murmansk regions.

Keywords: Russian North; cultural landscape; wooden architecture; traditional culture; dwelling.

Севернорусский крестьянский дом на рубеже XX–XXI веков / Northern Russian peasant house at the turn of the 20th–21st centuries

текст

Алексей Усов

Федеральный
исследовательский центр
комплексного изучения
Арктики им. академика
Н. П. Лаврова УрО РАН
(Архангельск)

text

Aleksei Usov

N. Laverov Federal Center
for Integrated Arctic
Research UrB RAS
(Arkhangelsk)

Русский Север – знаковый пример особой территории наследия, где в большом количестве сохранились не просто отдельные памятники народной архитектуры, но полноценные культурные ландшафты старинных сельских исторических поселений. Они в полной мере являются развитыми градостроительными ансамблями с индивидуальными композиционными, художественно-эстетическими и планировочными особенностями, соразмерными природному окружению [1]. Различные компоненты севернорусского культурного ландшафта – результат длительного и плодотворного взаимодействия человека и природы, выраженного в актах освоения, организации и защиты жизненного и сакрального пространства [2, с. 134].

Стоит принять во внимание, что естественное «сохранение» ни в коем случае не является «консервацией». В первую очередь это касается артефактов материальной культуры, в том числе памятников деревянного зодчества. Даже глубоко традиционная культура обладает своей внутренней динамикой. Она почти не затрагивает основополагающие принципы жизненного уклада, быта, верований и обычаев. Но, в отличие от содержания культурного наследия, его физические «формы» подвижны и изменчивы. Яркая иллюстрация – процесс разветвления, разрастания сакрального пространства Русского Севера: одинокий образ православного креста здесь последовательно воплощается в архитектурно-символических формах часовни, храма, монастыря [3, с. 75]. «Форма» всегда стремится к изменению в ответ на природные, исторические или социокультурные вызовы, но при этом способна долго оставаться в лоне традиции. Подобная амбивалентность хорошо прослеживается в образе и архитектурно-конструктивном устройстве севернорусского комплекса дома-двора.

Изба, наряду с церковью, часовней, крестом, а также иконой, всегда сопутствовала жизни севернорусского крестьянина [4, с. 86]. Это культурная константа, без которой невозможно представить выживание человека в суровых природно-климатических условиях Севера и Арктики. Крестьянский дом здесь отличается от типичного жилища средней полосы и юга России. Вместо хаты или избы и усадьбы, разбитой на отдельные хозяйственные постройки, северный дом, окончательно сложив-

шийся к концу XVIII – началу XIX в., – это несравненно более совершенный хозяйственно-бытовой комплекс. Он воплотил в себе многие достижения плотницкого мастерства, образ жизни и даже характер и менталитет местного крестьянина. Это в полной мере отвечает концептуальной связи понятий «дом» и «этнос» – нрав, которая подчеркивалась еще О. М. Фрейденберг [5, с. 292].

Амбивалентность концепта северного дома нашла отражение в различных уровнях его организации – от архитектурно-конструктивного устройства до объемно-пространственной структуры. Так, природно-климатические условия Севера повлияли на основной строительный материал местного жилища – широкодоступное и замечательное по своим физическим и художественным свойствам дерево [6]. Следовательно, простое бревно может рассматриваться как универсальный архитектурный модуль, единый для различных композиций и форм зданий [7, с. 32]. Уложенное в сруб, повторяющееся в своих усредненных размерах множество раз, оно создает широкое разнообразие для активного народного творчества.

В основе дома-двора лежит неизменная тринитарная структура: жилая изба на подклете, сени, двухэтажная хозяйственная часть с двором (хлебом) и поветью. Но, кроме простого последовательного соединения трех срубов по типу «брус», северный зодчий нашел и применил иные принципы соединений: «глаголь», «т-образная связь», «кошель», двухрядная связь [7]. Точно так же простая четырехстенная изба была модифицирована до избы-двойни, шестистенка, пятистенка, крестовика. Но, сколько бы дополнительных капитальных стен ни включало в себя жилое помещение, закономерности пространственной субординации функциональных зон избы оставались верными традициям. Так, диагональ «красный угол-печь», вне зависимости от разворота устья последней, была незыблемым инвариантом планировки крестьянского дома [8].

В данной работе мы не ставим своей задачей вновь подробно охарактеризовать давно известные перечисленные типологии жилищ. Важно то, что все они составляют образ и сущность севернорусского дома-двора, каким он существовал еще на протяжении почти всего XX в. Конечно, и в советскую эпоху происходили

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Русская деревянная архитектура как феномен культурного наследия в аспекте формирования национальной идентичности северных и арктических территорий», № гос. регистрации – 125021902631-6. /

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment (theme “Russian wooden architecture as a phenomenon of cultural heritage in the aspect of formation of national identity of the northern and arctic territories”, state registration No. 125021902631-6)

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Берты Павловны Ауровой
с. Малошуйка (д. Низ), Онежский район
1917 год

Руководитель научного проекта д. культ. А.Б. Пермиловская
Научная информация и обмеры А.А. Усова
Камеральная обработка арх. Н.А. Подобиной, 2019

^ Рис. 3. План дома-двора Б. П. Ауровой (1917). С. Малошуйка (д. Низ), Онежский р-н. Рук. научного проекта А. Б. Пермиловская, научная информация и обмеры А. А. Усова, камеральная обработка арх. Н. А. Подобиной. 2019

^ Рис. 2. Дом-двор Б. П. Ауровой (1917). С. Малошуйка (д. Низ), Онежский р-н. Фото автора. 2019

значительные трансформации дома-комплекса. Архитектурные новации – неотъемлемая часть цикличной по своей природе антиномии «старины и новизны» в среде человеческого обитания, даже в контексте традиционной культуры [9, с. 11]. Сами изменения начались несколько раньше. Расцвет, «золотая середина» этого процесса на Русском Севере пришелся на конец XIX – начало XX в., особенно ярко отразившись в поморском укладе жизни. Благодаря успешности судовладельцев и моряков (зажиточными были не только торговцы, но также, например, опытные лоцманы) стало возможным преобразование интерьеров деревенских домов. Появились горенки, обставленные кроватями, расписными шкафами, диванами, столами с белой льняной скатертью, зеркалами, лубочными картинками; в обклеенных обоями «передних» почетное место занимали банкетки, граммофоны, декоративные комнатные цветы [10, с. 300]. Позже, с 1-й половины XX в., в связи с коллективизацией и разрушением крупных частных хозяйств стал медленно терять свою актуальность огромный двор с поветью. Во 2-й половине XX в., примерно с 1960-х, в севернорусской деревне стали активно появляться новые материалы. Широкое распространение получили вагонка и шиферное покрытие крыш.

На рубеже XX – XXI вв. постепенные количественные преобразования избы столкнулись с параллельным взрывным ростом количества жилищ коттеджного типа. В настоящее время именно они стали основным типом загородного дома. Сейчас коттедж – атрибут не только новых поселков, но и традиционных сельских исторических поселений (рис. 1).

Крестьянский дом-комплекс практически перестал возводиться «с нуля». Оригинальные постройки, в которых соблюдается характерное архитектурно-конструктивное устройство и особенности выразительного народного декора, стали либо индивидуальными проектами «мастеров на все руки», либо памятниками, которые сохраняются и стилизуются под старину в соответствии с традиционными образцами по рекомендациям (требованиям) руководства особо охраняемых природных территорий. Таким образом, например, установлены ограничения на изменение облика построек и приусадебных

участков жителей деревень в Кенозерском национальном парке [11].

Севернорусский крестьянский дом как живой памятник традиционной культуры, т. е. продолжающая выполнять свою непосредственную функцию гражданская постройка, широко распространен на территории Русского Севера. Но с каждым годом количество подобных жилищ неумолимо уменьшается в результате естественного старения. В лучшем случае здание претерпевает капитальный ремонт, в худшем, с уходом хозяев, превращается в руинированную постройку, медленно испытывающую на себе разрушительную силу северного климата.

Обратимся к конкретным примерам. В ходе 11 архитектурно-этнографических экспедиций 2018–2024 было обследовано 12 сельских исторических поселений Русского Севера в Приморском, Онежском, Холмогорском и Мезенском районах Архангельской области, а также в Терском районе Мурманской области. Возраст всех построек относится к концу XIX – началу XX в., хотя в подавляющем числе случаев это памятники 1-й половины – середины XX в.

Для домов различных поселений даже в пределах одного района могут быть характерны специфические отличительные особенности, но их архитектурно-конструктивное и планировочное устройство, как правило,

< Рис. 1. Соседство дачного дома (коттеджа) с мансардой и традиционного крестьянского дома-комплекса или с традиционным крестьянским домом-комплексом типа «брус». С. Варзуга (Никольская сторона), Терский р-н. Фото автора. 2022

^ Рис. 4. Дом-двор В. В. Бирюковой (1964). С. Варзуга (Никольская сторона), Терский р-н. Фото автора. 2022

Руководитель научного проекта д. кул. А.Б. Пермиловская
Научная информация, обмеры и камеральная обработка А.А. Усова, 2022

^ Рис. 5. План дома-двора В. В. Бирюковой (1964), с. Варзуга (Никольская сторона), Терский р-н Мурманской обл. Рук. научного проекта А. Б. Пермиловская, научная информация, обмеры и камеральная обработка А. А. Усова. 2022

идентичны – это дом-комплекс с типом соединения жилой и хозяйственной части «брус» на среднем и высоком подклете. Так, на территории Онежского Поморья (с. Ворзогоры, Малошуйка, Пурнема, д. Лямца и Нижмозеро Онежского района Архангельской области) все срубы дома собраны в один мощный объем, перекрытый общей двускатной крышей на стропилах. Планировка изб – четырехстенки, встречаются пятистенки, в редких случаях шестистенки (зафиксировано по 1–3 дома в поселении). На главных фасадах располагается от 3 до 6 окон. Фронтоны делятся на сплошные треугольные, зашитые досками, и на более популярное решение – небольшие вышки-мезонины с 1–3 окнами, сенями с холодной клетью и горницей (или зимней избой), а также подклетом, поветью и хозяйственным двором (рис. 2, 3).

На Терском берегу (с. Варзуга, Кузомень) дом состоит из двух изб, расположенных с противоположных торцов постройки. Главный фасад, выходящий на улицу или окнами к реке, относится к зимней избе-пятистенку, разделенной на гостевую комнату и небольшую спальню – «боковую» (в отличие от Онежского Поморья,

где «боковой» называется отдельный сруб, например, в с. Пурнема – зимняя изба, непосредственно примыкающая ко двору). Яркая региональная черта – маленькая по площади и объему хозяйственная часть, соседствующая с компактной летней избой (рис. 4, 5).

В обследованном с. Чухчерема Холмогорского района (Нижнее Подвинье) у избы отсутствует подклет; нет разделения на зимнюю и летнюю части. Жилище состоит из 2–3 комнат: 1–2 передних с печами-голландками (гостевая и спальня) и кухни с большой русской печью. С точки зрения архитектурно-конструктивного устройства следует обратить внимание на распространение в с. Чухчерема домов-комплексов с типом соединения жилья и двора «глаголь». К настоящему времени остался всего 1 памятник подобного типа – дом Колапышевых (конец XIX – начало XX в.) (рис. 6).

В с. Турчасово Онежского района Архангельской области преобладают избы с типом планировки «четырёхстенки». Здесь встречаются как большие двухэтажные жилища (на зимней избе или высоком подклете), так и относительно невысокие дома-комплексы на среднем подклете. Изба (верхняя, летняя) в таких жилищах устроена из 3 помещений: 2 передних (с некапитальной перегородкой), одна из которых выполняет функцию спальни, а вторая – гостиной (или 2-й спальни) и кухни с большой русской печью (рис. 7, 8). К сожалению, в домах практически не сохранились традиционные интерьеры.

Парадоксальный доминирующий признак севернорусского дома-комплекса в XXI в. – отсутствие его главной черты, т. е. хозяйственного двора с поветью. Типичным является частично обрезанный двор и, соответственно, разобранный взвоз. В редких случаях взвозы сохранены в неполноценных формах, таких как узкая лестница-пантус. Второй способ их использования – как зимний вход в дом (если основная дверь находится на уровне земли и закрывается снегом) или летнее крыльцо-веранда. Другими словами, дошедший до нашего времени взвоз с площадкой или одиночная площадка не просто превратились в рудимент старины, но подстроились под современные реалии, став, скорее, дополнительным атрибутом дачного участка как новое место отдыха (рис. 9, 10).

Полностью отсутствующий двор характерен или для больших двухэтажных домов зажиточных

^ Рис. 6. Дом-двор Колапышевых (кон. XIX – нач. XX в.). С. Чухчерема (д. Поташевская), Холмогорский р-н. Фото автора. 2023

^ Рис. 8. План дома-двора Токаревых-Томиловых (нач. XX в.). С. Турчасово (д. Заполье), Онежский р-н. Рук. научного проекта А. Б. Пермиловская, научная информация, обмеры и камеральная обработка А. А. Усова. 2024

^ Рис. 7. Дом-двор Токаревых-Томиловых (нач. XX в.). С. Турчасово (д. Заполье), Онежский р-н. Фото автора. 2024

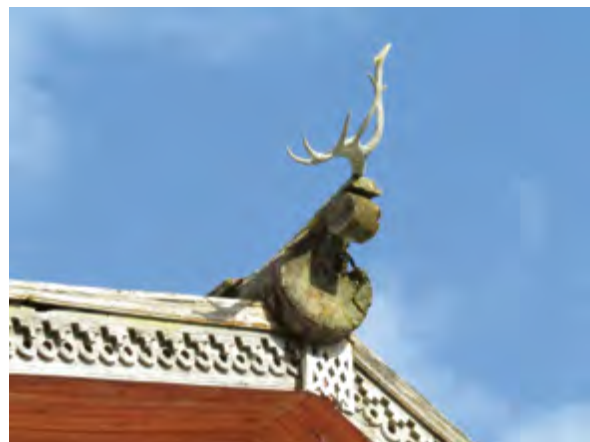
торговцев или для жилищ, хозяева которых столкнулись с неординарными условиями, например, началом войны, после которой хозяйственная часть уже не понадобилась.

Другой парадокс связан с обновленным «нарядом» дома. Безусловно, для разных регионов присуща различная глубина и проработка декоративных элементов. Так, если для поморского жилища, построенного рачительным хозяином, чаще видящем море, чем стены избы, в принципе нехарактерно чрезмерное украшение фасадов, то огромные двухэтажные дома Подвинья, напротив, радуют богатством резных наличников и причелин, декоративных балкончиков и замечательных высоких крылец. Редкие исторические поселения, такие как д. Кимжа Мезенского района Архангельской области, сохраняют колоритный севернорусский экстерьер изб, включающий, например, многочисленные резные коньки крыш (рис. 11). И, хотя дом-двор Русского Севера в воображении среднестатистического обывателя вернее всего представляется украшенным словно «хоромы», в действительности чрезмерные элементы декора, напротив, отдаляют существующую в XXI в. избу от ее традиционного облика, напоминая городскую дачу, а не деревенское жилище (рис. 12).

Особенно впечатляющим выглядит столкновение традиции и современности, тем более, если оно охватывает

собой целое поселение, трансформируя его ландшафт в нечто совершенно новое. Таким гибридным характером обладает д. Нижмозеро Онежского района Архангельской области. Старинное поселение, запрятанное среди озер и недоступное для сухопутного транспорта в летнее время года, оно поражает как глубиной эрозии инфраструктуры, так и инновационностью попыток ее преодоления. При отсутствии электричества в этой быстро пустеющей глубинке некоторые жители проявили смекалку и установили у домов солнечные батареи. Подобный контраст природы, традиции и технологичности создает поистине уникальный вариант современного культурного ландшафта Русского Севера (рис. 13).

Повсеместные изменения отдельных элементов, такие как упомянутая современная обшивка стен и покрытий крыши или более привычные чем солнечные батареи спутниковые тарелки, сложно назвать нетривиальными признаками крестьянского дома XXI в. Однако если новация акцентирует внимание на традиционной черте памятника, мы считаем, она может стать исключением и интересным отличительным признаком. Например, сами по себе пластиковые стеклопакеты уже не привлекают внимание, но на главном фасаде избы-двойни они не только создают зрительный диссонанс, но и подчеркивают специфику крестьянского дома на 2 семьи. Жилое/

< Рис. 11. Деревянный конек-охлупень на крыше избы Ф. Сафонова (1849). Д. Кимжа, Мезенский р-н. Фото автора. 2024

< Рис. 12. Дом-двор В. А. Баева (кон. XIX – нач. XX вв.). С. Малошуйка (д. Верховье), Онежский р-н. Фото автора. 2019

^ Рис. 9. Дом-двор В. Е. Копытовой (кон. XIX – нач. XX в.). С. Пурнема (д. Низ), Онежский р-н. Фото автора. 2021

^ Рис. 10. План дома-двора В. Е. Копытовой (сер. XIX – кон. XX в.). С. Пурнема (д. Низ), Онежский р-н. Рук. научного проекта А. Б. Пермиловская, научная информация, обмеры и камеральная обработка А. А. Усова. 2021

нежилое пространство, зажиточный/незажиточный хозяин и другие смысловые пары актуализируются благодаря визуализации, воплотившейся за счет применения новых материалов на традиционном архитектурном субстрате (рис. 14, 15).

Дом – это не только конструкция, но и содержание жилой части, план, меблировка, интерьер. Значительная их доля, в контексте рассматриваемых хронологических рамок, не относится исключительно к комплексу дома-двора. Однако севернорусский (западнорусский) тип планировки избы и геометрия ее сакрального пространства и планировочной структуры достаточно значимы, чтобы их трансформация стала предметом нашего краткого анализа. Это касается в основном подчеркнутой выше диагонали «красный угол-печь», которая имеет фундаментальное значение для фиксации образа традиционной северной избы. Дома с усеченными хозяйственными дворами, превращенными в кладовые-дровяники, остаются примерами традиционного жилища. Однако утрата печей и атрибутов сакрального пространства (таких как иконы в красном углу), как мы полагаем,

лишают избу свойства domesticiрованной территории. На рубеже XX – XXI вв. большие русские печи на Севере стали разбираться, зачастую заменяются исключительно печами-голландками. В новейших вариантах ремонта появились полностью лишенные печей избы, снабженные газовыми и электрическими плитами. Это привело к очередному парадоксу: современные деревни могут сохранять традиционную застройку и планировку, а жилища обладать всеми внешними признаками памятников народной архитектуры. Но при попытке фиксации и проведения обмеров обнаруживается, что даже жилой дом-комплекс – всего лишь пустая оболочка, лишенная связи с традиционной культурой. Отсутствие печи значительно меняет и упрощает быт и жизненный уклад, а исчезновение и трансформация святого угла разрушает преемственность православных традиций. Когда жилище теряет связь с ключевыми принципами, основой культуры повседневности Русского Севера, это равносильно гибели дома. Таким образом, живой, внешне традиционный по своему архитектурно-конструктивному и планировочному устройству, но очищенный изнутри

> Рис. 13. Культурный ландшафт д. Нижозеро, Онежский р-н. Фото автора. 2020

^ Рис. 15. План дома-двора Ф. Т. Бровкова (Бровковых-Сидоровых) (кон. XIX – нач. XX в.). С. Пурнема (д. Низ), Онежский р-н. Рук. научного проекта А. Б. Пермиловская, научная информация, обмеры и камеральная обработка А. А. Усова. 2020

^ Рис. 14. Комплекс дома-двора Ф. Т. Бровкова (нач. XX в.). С. Пурнема (д. Низ), Онежский р-н. Фото автора. 2020

дом может быть приравнен к сохранившему отдельные элементы интерьера, но все-таки нежилому пространству. К сожалению, такие дома-комплексы получают все большее распространение и становятся символом заката традиционного жилища.

В заключение отметим, что даже негативные тенденции в актуальном состоянии крестьянского дома-комплекса на рубеже веков не являются концом традиции. Она будет зафиксирована и сохранена в рамках специальных музеефицированных пространств. И, если одна из особенностей севернорусского деревянного зодчества заключается в нескончаемом цикле преображений креста-часовни-храма, то сущность гражданской архитектуры, скорее, линейна и дискретна. Деревянный дом возводился, чтобы стать местом обитания семьи, а затем, спустя время, медленно исчезнуть. Но однажды возникнуть вновь в другом месте и в еще более совершенном виде, отвечая иным потребностям, образу жизни и менталитету следующего поколения жителей Русского Севера.

Литература

1. Ушаков, Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. – Ленинград : Стройиздат, 1982. – 168 с.
2. Пермиловская, А. Б. Деревянный храм как маркер русской этнокультурной идентичности // Проект Байкал. – 2024. – № 82. – С. 134–141. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2445>
3. Теребихин, Н. М. Метафизика Севера: монография. – Архангельск : Поморский ун-т, 2004. – 272 с.
4. Пермиловская, А. Б. Деревенские святыни: обетные кресты Мезени // Вестник славянских культур. – 2024. – Т. 71. – С. 81–99. – DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-81-99>
5. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности. – Москва : Восточная литература, 1996. – 800 с.
6. Лисенко, Л. М. Дерево в архитектуре. – Москва : Стройиздат, 1984. – 176 с.
7. Ополовников, А. В. Русское деревянное зодчество : Гражданское зодчество: северная деревня, двор-комплекс, приусадебные постройки и мосты, промышленные постройки, архитектурные детали и фрагменты. – Москва : Искусство, 1983. – 287 с.
8. Криничная, Н. А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 2. – С. 28–41.

9. Бондаренко, И. А. Отношение к архитектурным новациям в русской традиционной культуре // Архитектурное наследие. – 2020. – № 72. – С. 5–12.

10. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. – Екатеринбург : УрО РАН; Архангельск : Правда Севера; Ярославль : ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2013. – 608 с.

11. Дом в заповедной деревне. Как все легко испортить... Или исправить! – Архангельск : Типография № 2, 2023. – 68 с.

References

- Bondarenko, I. A. (2020). Otnoshenie k arhitekturnym novatsiyam v russkoy traditsionnoy kulture [Perceptions of architectural innovations in traditional Russian culture]. *Architectural Heritage*, 72, 5–12.
- Dom v zapovednoy derevne. Kak vse legko isportit... Ili ispravit!* [House in a protected village. How easy it is to ruin everything... Or to fix it!] (2023). Arkhangelsk: Tipografiya № 2.
- Freydenberg, O. M. (1996). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Krinichnaya, N. A. (2009). The red corner: On the origins and semantics of the sacred locus (based on Northern Russian materials). *Ethnographic review*, 2, 28–41.
- Lisenko, L. M. (1984). *Derevo v arhitekture* [Wood in architecture]. Moscow: Stroyizdat.
- Opolovnikov, A. V. (1983). *Russkoe derevyannoye zodchestvo: Grazhdanskoye zodchestvo: severnaya derevnya, dvor-kompleks, priusadebnyye postroyki i mosty, promyslovyye postroyki, arhitekturnyye detali i fragmenty* [Russian wooden architecture: Civil architecture: northern village, courtyard complex, outbuildings and bridges, industrial buildings, architectural details and fragments]. Moscow: Iskusstvo.
- Permilovskaya, A. B. (2013). *Kulturnyye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the folk architecture of the Russian North]. Ekaterinburg: UrO RAN; Arkhangelsk: Pravda Severa; Yaroslavl: YaGPU imeni K.D. Ushinskogo.
- Permilovskaya, A. B. (2024). Rural holy places: Mezen votive crosses. *Bulletin of Slavic Cultures*, 71, 81–99. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-81-99>
- Permilovskaya, A. B. (2024). Wooden temple as a marker of the Russian traditional identity. *Project Baikal*, 21(82), 134–141. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/82.2445>
- Terebihin, N. M. (2004). *Metafizika Severa: monografiya* [Metaphysics of the North: monograph]. Arkhangelsk: Pomorskiy un-t.
- Ushakov, Yu. S. (1982). *Ansambl v narodnom zodchestve Russkogo Severa* [Ensemble in folk architecture of the Russian North]. Leningrad: Stroyizdat.